

П.А. КРОПОТКИН В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Д. СУХОВ

П.А. Кропоткин — один из универсалов Нового времени. Он — географ, как первопроходец объехавший и обошедший пространства Сибири, Дальнего Востока, Манчжурии, Финляндии, Швеции, Канады, нанесший на карты прежде неизвестные территории. Его имя присвоено горам, ледникам, островам во многих местах земного шара — от Шпицбергена до Антарктиды. Кропоткин — геолог, изучавший рельеф Восточной Сибири, разработавший концепцию ледникового периода. В биологии он получил известность, благодаря работам, доказавшим, что взаимопомощь — такая же закономерность природы, как и борьба за существование, что эти явления не исключают, а дополняют друг друга. Его произведение «Великая Французская революция» сделало его всемирно известным историком. Опубликованное в 1909 г., оно и до сих пор остается одним из наиболее читаемых сочинений, посвященных событиям конца XVIII столетия. Не утрачивает значения и его работа «Идеалы и действительность в русской литературе», изданная в 1905 г. В ней освещена вся история русской литературы — от народных преданий, песен, былин, т.е. от самых своих истоков, до современников Кропоткина — Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького. Читатель наших дней найдет здесь сведения о многих писателях, в том числе о малоизвестных, забытых. Подкупает в этой книге то, что литература рассматривается в ней вместе с русской историей, историей русского языка.

Кропоткин — философ. Правда, как философ он пока не приобрел такой известности, какой он пользуется как натуралист и историк. Но и в этой отрасли знания он постепенно завоевывает признание. В предлагаемой статье мы остановимся на некоторых аспектах его философского творчества.

Историк русской философии

И до Кропоткина, и в то время, когда он работал в науке, к русской философии и ее истории преобладал нигилистический подход. Историки философии сравнивали русскую философию с западной и находили, что она не соответствует признанному философскому канону. К.Д. Кавелин, например, считал, что не только нет русской философии, нет даже «никаких задатков» для ее становления и развития. Она появится после того, как в стране сложится умственная жизнь, которая пока что отсутствует. Еще и в 1922 г., когда Кропоткина уже не было в живых, Г.Г. Шпет утверждал, что философское сознание и философская культура в России — «дело будущего».

В настоящее время история русской философии оформлена как отрасль философского знания: исследуются периоды ее развития, свойственные ей направления, равно как и отдельные представители ее. Кропоткин — один из пионеров ее изучения. Трактовал он ее не шаблонно, а творчески, отыскивая ее и в таких сочинениях, которые по формальным признакам не принадлежали к философии, но содержали ее в себе. Кропоткин установил тесную связь философии с русской литературой, а также литературной критикой, которая рассматривает вопросы, поднятые литературой, помогает читателю усвоить их. Он обратил внимание на то, что русская литература, эстетика, критика приняли на себя такие функции, которые на Западе являются принадлежностью иных сфер духовной жизни. Литература сблизилась с философией, и некоторые русские литераторы стали философами. К их числу Кропоткин отнес Н.И. Новикова, отметив его заслугу в создании русского философского языка. Нравственно-философские рассуждения обнаружил Кропоткин в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. М.В. Ломоносов, в его понимании, — «истинный философ», творивший «на научной основе».

В поле зрения Кропоткина — поэты и писатели, причастные, по его мнению, к философии: А.С. Пушкин с его «философскими монологами» в драматических произведениях, М.Ю. Лермонтов, которого волновала проблема добра и зла и который начал пересмотр и переоценку «современных начал нравственности», И.С. Тургенев, «утонченный философский поэт», писатель, изображавший появившихся в России новых людей с большой мерой философского понимания, Ф.М. Достоевский, литературные герои которого в своих рассуждениях способны достигать вершин философской мысли.

Кропоткин считал, что в романе «Война и мир», особенно в его философских фрагментах, Л.Н. Толстой, истолковывая историю по-новому, разработал философию, в которой роль масс была сопоставлена с деятельностью отдельных исторических личностей, героев. Толстой не соглашался с выводами государственной школы, превалявавшей в русской истории и философии истории, и предлагал кардинально изменить сам объект исследования, оставив в стороне государственных людей и сосредоточив внимание на деятельности масс. Кропоткин не только высоко ценил эти философские рассуждения Толстого, он был с ними вполне солидарен, отмечая, что в произведениях Толстого философски обосновывается восприятие жизни и поведения человека. Он подчеркивал, что никому после Ж.Ж. Руссо не удавалось столь сильно воздействовать на совесть людскую как Толстому, его произведениям.

Как заслуживающий внимания эпизод в истории философии рассматривалась Кропоткиным дискуссия между славянофилами и западниками, в которой «резко обозначились» и столкнулись между

собой два течения философской мысли. Борьба между ними, «философская и литературная», по словам Кропоткина, заняла в 40 – 60-х гг. XIX столетия лучшие умы в кружках Петербурга и Москвы. Кропоткиным отмечен целый ряд представителей философского знания в России. Это – П.Л. Лавров с его «Историческими письмами», Н.К. Михайловский, подвергший «суровому разбору» философию, Г. Спенсер, разработавший собственную теорию прогресса и давший свое толкование индивидуализма, счастья, героев и толпы, С. Соловьев, знаток истории и философии. К философам, и даже «симпатичным», он причислял и К.Д. Кавелина, того самого мыслителя, который начисто отрицал сам факт существования русской философии.

Говоря о русской литературной критике, Кропоткин приходил к заключению, что с 20-х гг. XIX в., т.е. «с самого начала», благодаря работам Д.В. Веневитинова, Н.И. Надеждина, Н.А. Полевого, она приобрела характер «философской эстетики». Русская литературная критика посвятила себя рассмотрению не только эстетических достоинств литературных произведений, но и тех идей, которые их вдохновляли, раскрытию философского значения этих произведений.

Несмотря на избирательный характер в подходе к философскому наследию, обзор, сделанный Кропоткиным, достаточно впечатляет. По пути, намеченному им и некоторыми другими исследователями, и шла в своих дальнейших поисках история русской философии как наука. Учитывалась форма, свойственная этой философии, манера изложения, принятая ее творцами. Было признано, что в данном случае отсутствует не философия как таковая, а лишь тот тип ее, который, по мнению некоторых исследователей, она должна бы иметь, тот вариант ее, который сложился в других странах и при иных обстоятельствах.

Кропоткин – философ не только русский; он может считаться также французским и английским философом. Многие произведения его написаны и впервые опубликованы в Европе и на языках Европы. Но началась его деятельность в России. Именно здесь сформировался он как мыслитель и ученый. Завершилось его философское, как и другое, творчество также в России. Работы, написанные за рубежом нашей страны, в определенном смысле «русифицировались». Они вновь просматривались автором, переводы их подвергались авторизации. Роднит Кропоткина с русской философией рассредоточенность его философских идей в произведениях нефилософских по основной своей тематике. Есть у него, конечно, и такие работы, которые имеют вполне философский характер. Но в них – не вся его философия. Открытость русской философии, сопричастность ее с другими отраслями знания – историей, литературой, естествознанием – эта типичная для нее особенность унаследована Кропоткиным.

Современниками Кропоткина являлись некоторые, не чуждые философии, русские естествоведы — И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, И.П. Павлов, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский. Складывается идейное направление, промежуточное между естествознанием и философией, философское по принадлежности, но имеющее прочные и устойчивые связи с естествознанием. В работах этого направления проясняются философские проблемы, касающиеся сознания человека, антропологии, космологии. Кропоткин, в равной мере естествовед и гуманитарий, проявил себя как философ иначе. Наиболее обстоятельно им были разработаны социальная проблематика философии и те подразделения философского знания, которые соприкасались с социологией. Причина тому — многолетнее изучение и осмысление опыта Французской революции, поиски выхода из той социальной ситуации, которая была современна ему. Для него эти проблемы — в их философской постановке — не исчерпывались одной лишь сферой теории, но имели также большой практический смысл.

Социальный философ и философ истории

Социальная философия и философия истории — тесно соприкасающиеся друг с другом отрасли знания. Для понимания действительности, кроме ее непосредственного анализа, необходимы также экскурсы в прошлое, проникновение в ее предысторию. Эти два подхода у Кропоткина взаимосвязаны. Главный субъект социального процесса для него — народ. У историка прежних времен весь интерес был сосредоточен на монархе, министре, ратуше, парламенте; созидательной же деятельностью народа он не любил заниматься. Задача исторической науки, поставленная Кропоткиным, — узнать жизнь простых людей, их верования, средства существования, каким был их общественный идеал и каковы были средства для его достижения. «Именно действие всех этих сил, прежде остававшихся без внимания, по его мнению, даст ключ к истолкованию великих исторических явлений»¹.

Но отличие Кропоткина от тех историков и философов истории, которые игнорировали народ, не только в том, что он изучал его жизнь. Главное, он смотрел на совершавшиеся события со стороны народа, принимал во внимание, насколько они соответствуют его интересам, как отражаются на его судьбах. В своих трактовках той роли, которую играет в истории народ, он следовал за Л.Н. Толстым, признавал его влияние. Но если Толстой прослеживал повседневность народной жизни, включающую мирное существование и войну, то Кропоткина привлекают переломные моменты народного бытия. Народ, вовлеченный в социальные коллизии, революции — вот сюжет кропоткинских философско-исторических исследований.

По-новому, сравнительно со своими предшественниками, увидел он события, происшедшие в конце XVIII в. во Франции. Сам об этом он сказал так: «... вечно живому источнику революции — народу, готовому взяться за оружие, историки революции до сих пор не отдали той справедливости, которую обязана отдать ему история цивилизации»². О французском народе — крестьянстве и городском плебсе, его действиях во время революции и рассказывает Кропоткин на страницах своего произведения. Народные восстания, начавшиеся в 1788 г. и продолжавшиеся с «переменной силой» в дальнейшем, — это и есть «самая сущность» и «истинная основа» данной революции. Народные восстания явились прологом ее, они расшатали отживший свой строй общества. Затем они сопровождали революцию, дезорганизуя власть и придавая энергию ее политическим оппонентам. Народное движение вносило в происходящее «наступательную силу». Депутаты «третьего сословия» смелели, становились решительными, чувствуя поддержку Парижа, слыша раскаты народной борьбы, которые доносились из провинции. Если бы не революционный народ, то и революционный парламент, Собрание, «было бы ничто». Действиями народа прежде всего и была создана новая, «перерожденная» Франция. Сравнивая две великие революции, Английскую и Французскую, Кропоткин отмечал большую радикальность второй и объяснял это тем, что массы народа в XVIII столетии действовали активней и наступательней, чем в XVII.

Особое внимание исследователь обращал на то, что в процессе революции буржуазия всегда относилась к народу как к «временному союзнику» и смотрела на него «с недоверием». В тех случаях, когда народное движение стремилось обрести самостоятельность и решать собственные задачи, страх, а временами и паника, овладевали не только феодальной, но и буржуазной средой. По мере же того, как устои феодализма подрывались и он слабел, буржуазия испытывала все меньшую нужду в поддержке народа. Теперь она была за то, чтобы восстановить «порядок», обезоружить народ, привести его в повиновение. И это ей в конечном счете удалось.

Следующий сюжет в философии истории Кропоткина тесно связан с предыдущим. Это — революция как социальный феномен. Уделяя революции преимущественное внимание, он не считал, конечно, что она — единственная форма социального движения. Ее органически дополняет эволюция. Революция указывает направление последующей эволюции, которая, в свою очередь, развивает дальше то, что задано революцией. Это эволюционное развитие происходит до тех пор, пока новая революция не положит начало следующей эпохе общественного движения. Считая эволюцию столь же необходимой составляющей прогресса, Кропоткин, однако, оставлял эту философско-историческую категорию без особого внимания, по-

лагая, очевидно, что другие исследователи осуществляют ее детальное рассмотрение. Его собственный научный интерес сосредоточен на прерывающих постепенный ход истории катаклизмах. Он определяет революцию следующим образом: революция — это уничтожение учреждений, просуществовавших столь долго, что они казались незыблемыми; это — распад того, что составляло сущность экономической, политической и идейной жизни нации. Революция призвана пересоздать все названные компоненты общества. Она отличается от эволюции своим темпом. Она, если сопоставить ее с медленной и постепенной эволюцией, производит быстрые перемены, хотя и не является разовым действием. Нужно время для развития ее требований и их осуществления. Ход революции не отличается плавностью: из-за встреченных препятствий она временами вынуждена останавливаться, а то и отступать.

Кропоткин был убежден, что революции свойственна собственная логика, последовательность совершающихся в ее рамках событий, когда силы, двигавшие ее, устраняются другими, идущими им на смену, а те, в свою очередь, новыми. Время от времени революции не остается ничего иного, как только «перешагнуть» через тех, кому на предыдущем этапе она была многим обязана. Революция имеет восходящую линию развития, но после того, как ею проделана основная работа, к которой она призвана, она вступает в «нисходящий фазис». Вызвать и осуществить революцию искусственно, по желанию «горсти людей», пусть энергичных и талантливых, невозможно. Она — явление стихийное и от воли человека не зависит. Кропоткин сравнивал ее с землетрясением, с тайфуном. Предугадать ее начало непросто. В истории случалось, что революционеры бывали застигнуты ею «врасплох» и упускали открывавшиеся возможности. К революции нужно заблаговременно готовиться и организационными, пропагандистскими и иными мерами содействовать ей, приближать ее.

Кропоткин предостерегал не только от необоснованного нетерпения, но и от пассивного ожидания. Он выявил непосредственные предпосылки революции. Ей предшествует широкое распространение социального недовольства — смутного, неопределенного, часто бессознательного, возникающего у людей, потеря доверия к существующему строю. Предреволюционная ситуация затрагивает и верхи. Революция не совершается без того, чтобы какая-то часть класса, привилегии которого, экономические и политические, предстоит разрушить, не почувствовала несостоятельности существующего. Подобные сомнения в среде правящего слоя — несомненные симптомы надвигающейся революции. Эти разработки Кропоткина напоминают известную характеристику революционной ситуации: низы не хотят жить по-старому, а верхи — не могут. Тот слой общества, который располагается на верху социальной пирамиды, если его

брать как целое, вовсе не намерен сдавать свои позиции, тем более — без сопротивления. В своем произведении «Великая Французская революция» Кропоткин показал, какое упорное противодействие оказали в конце XVIII в. силы старого порядка наступавшим на него силам прогресса. Он был уверен, что и ныне старое не уступит новому то, что имеет, легко.

Кропоткин принял участие в обсуждении вопроса о том, что же, в конце концов, оказывается для народа весомым — разрушения и невзгоды, сопровождающие революцию, или приносимые ею плоды? На основе изучения Французской революции он пришел к таким заключениям. Революция привела к социальным завоеваниям, которых ничто не могло поколебать. Результатом происшедших событий стало преобразование Франции, настолько великое и глубокое, что после революции это была уже совсем не та страна, какой она была в канун 1789 г. Создалась «новая Франция». Принимая во внимание то, что силы, творящие историю, неоднородны в социально-психологическом плане, Кропоткин отличал их активную, деятельную часть от более инертной и менее подвижной. Он был хорошо знаком с П.Л. Лавровым лично и знал его сочинение «Исторические письма». Лавров выделял из общей массы людей тех, которые мыслят критически и действуют самостоятельно, хотя, конечно, люди, отказывающиеся следовать шаблону, как и все прочие, не свободны от общества и свойственных ему форм существования.

В том же направлении продвигалась исследовательская мысль Кропоткина. По его мнению, люди смелой инициативы составляют меньшинство. Большие массы людей не сразу и не без труда поднимаются на предприятия, не имеющие прецедентов. Необходимы вдохновляющий пример и начало. Должны появиться люди, готовые пренебречь традициями прошлого и пойти навстречу неизведанному, должны выдвинуться на первый план деятельные представители и силы социального противодействия.

Кропоткин создал литературные портреты некоторых исторических деятелей, представлявших различные социальные слои и вносивших в историческое движение неоднозначную лепту. Наиболее симпатичная для него историческая фигура времен Французской революции — Ж.П. Марат. По мнению Кропоткина, он с самого начала лучше и вернее понимал ход дел, чем кто бы то ни было, а его интеллект и личные качества позволяли ему быть вождем масс, оказывать влияние на события. Суровый к врагам революции, он бережно относился к тем, кто чем-то содействовал ей, даже в том случае, если впоследствии он становился для нее помехой. Кропоткин считал, что если бы не преждевременная смерть Марата, террор, «весьма вероятно», не приобрел бы такого размаха и такой жестокости. Представитель сил иного порядка — Людовик XVI. По оценке Кропоткина — это

искусанный политик, и деятельность его также не была безуспешной. В его возможностях было предотвратить революцию, но он умел в течение полутора десятка лет своего правления, предшествовавшего ей, «противодействовать настоятельно чувствовавшейся потребности в новых политических формах, которые заменили бы королевское своеволие и положили бы конец возмутительным злоупотреблениям старого порядка»³.

Важно отметить, что Кропоткин в своем анализе учитывал материальные, в том числе и экономические, факторы развития общества. Изучая Французскую революцию XVIII в., он пришел к убеждению, что одна из ее причин состояла в том, что народные массы страны, крестьянство и городской пролетариат, стремились непосредственно и ощутимо улучшить свое положение. Экономический интерес проявляли и другие социальные группы, содействовавшие или противодействовавшие революции. Но экономические предпосылки, по мнению Кропоткина, — лишь один из элементов, включенный в процесс социального развития, наряду с другими, сопоставимыми с ним, и находящимися с ним в одном ряду. «Общество, в настоящем его виде, — писал он, — конечно, не является результатом какого-нибудь основного начала... Общество представляет собой, наоборот, очень сложный результат тысячи столкновений и тысячи соглашений, вольных и невольных»⁴. Кропоткин принимал различные факторы общественного развития, основные и производные, как равнозначные и равноценные.

Философствующий анархист

Кропоткин начал проявлять склонность к анархизму, познакомившись в 1864 г. с книгой П.Ж. Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты», которая произвела на него большое впечатление. Литературное знакомство с Прудоном было впоследствии продолжено, а на Западе оно было дополнено общением с прудонистами — участниками Парижской Коммуны, с теми из них, кому удалось избежать расправы после ее гибели и скрыться в Швейцарии. Еще большую духовную близость он находил с другим теоретиком анархизма — М.А. Бакуниным, с которым он мечтал познакомиться лично, но обстоятельства сложились так, что они разминувшись. В Иркутск, место ссылки Бакунина, Кропоткин прибыл, когда тому удалось бежать. Не довелось Кропоткину встретиться с Бакуниным и в Швейцарии, где в 1876 г. тот умер. Но он познакомился с Д. Гильомом — ближайшим соратником Бакунина. С ним у него завязалась прочная дружба.

Кропоткин — наряду с Прудоном и Бакуниным — один из классиков теории анархизма. После того как жизненный путь Прудона, а затем и Бакунина завершился, именно в нем анархизм обрел новую

ключевую фигуру. Его деятельность как анархиста была столь значима, что ее должны были принимать в расчет самые разные социальные силы. Когда велась полемика между российской социал-демократией и анархизмом, Г.В. Плеханов в своем сочинении «Анархизм и социализм» рассматривал Кропоткина как «апостола» новейшего анархизма, а И.В. Сталин в работе «Анархизм или социализм?» вел диспут с Кропоткиным и «учениками Кропоткина», «кропоткинцами». Главы Временного правительства — Г.Е. Львов и сменивший его А.Ф. Керенский — имели встречи и беседы с возвратившимся в Петроград из эмиграции вождем анархизма, а после установления в России советской власти Кропоткин встречался с В.И. Лениным и, оставаясь верным идеалам анархизма, дискутировал с ним по некоторым вопросам становления нового общества. Идеи Кропоткина и сама его личность бунтаря и борца были популярны в кругах анархистов времен Октябрьской революции и Гражданской войны. В.Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях рассказывает, с каким вниманием и жадностью воспринимали матросы-анархисты сведения о Кропоткине, с которым Бонч-Бруевич был знаком.

Уважение и почтение испытывал к Кропоткину Н.И. Махно, причислявший себя к анархистам-коммунистам «бакунинско-кропоткинского толку»⁵. Узнав, что Кропоткин возвратился из эмиграции, он сам и руководимая им группа анархистов-коммунистов в селе Гуляй-Поле, по его собственным словам, испытали неописуемую радость. Ждали они от него и «мощного призыва», и «конкретных указаний». От имени своей группы Махно направил Кропоткину приветственное письмо как неутомимому борцу за идеи «высшей справедливости». Прежде чем создать «безвластную» территорию в соответствии с принципами анархизма, Махно посетил Кропоткина, жившего тогда в Москве, долго беседовал и советовался с ним, оставшись доволен ответами, полученными на свои вопросы. Проявлял внимание к Кропоткину Махно и позже, когда стал «батькой» и воплощал принципы анархизма в жизнь. Письмо от 30 мая 1919 г., посланное им Кропоткину, не соблюдает правил грамматики и орфографии, но исполнено уважения к адресату. Достаточно сказать, что обращение к «дорогому Петру Алексеевичу» снабжено пятью восклицательными знаками⁶. Учитывая обстановку, сложившуюся в стране, Махно вместе с письмом выслал Кропоткину продовольственную посылку.

Известно, чем заканчивались многие «анархические начинания». Некоторые отряды матросов, находившиеся под влиянием анархизма, несмотря на их заслуги перед революцией, приходилось разоружать и расформировывать революционной же власти. Не смогла доказать правомерность и жизнестойкость анархизма и «махновщина», хотя намерения у ее вдохновителей были самыми благими.

Да и самому Кропоткину его анархические убеждения, применяемые иногда вовсе не к месту, также создавали немало помех. Они сказывались и на системе его философских построений. Кропоткин предельно сближал собственную философию с анархизмом. «Я мало-помалу, — пишет он, — пришел к заключению, что анархизм — нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества»⁷. Ему казалось, что во все времена общественному сознанию были свойственны два основных направления: анархическое, заслуживающее, по его мнению, всяческого внимания и одобрения, и государственническое, отношение Кропоткина к которому было негативным. К последнему без разбора причислялись и все современные ему противники анархизма.

Такой подход отразился и на оценках им некоторых событий и деятелей Французской революции. М. Робеспьер, по словам Кропоткина, представлял собой настоящую силу революции. Влияние его возрастало, он пользовался огромной властью. Выдвинули его вперед не только ум и воля. Его отличала безмерная вера в революцию, доходившая до фанатизма. Но Робеспьер и его группа образовали революционное правительство Франции, ее государственную власть. А Кропоткин-анархист не принимал государственности, в какой бы форме она ни проявлялась. По его мнению, во Франции в 1793 — 1794 гг. революция была погублена вмешательством в ход событий «центрального правительства». Именно обращением якобинцев к государственности, а не социально-исторической неподготовленностью Франции того времени к справедливому обществу, объясняется, по мнению Кропоткина, неуспех его создания. Из-за этого Кропоткин испытывал к Робеспьеру неприязнь, которую не считал нужным скрывать. Для него социальная оценка государства неизменна, постоянна. Он игнорировал позитивную роль государства в развитии цивилизации, разноплановые влияния, оказываемые им на ход истории в зависимости от того, в руках каких социальных групп оно находится. Согласно Кропоткину, государство — всегдашний и безусловный носитель социального зла. Из подобных рассуждений о государстве им делался вывод о необходимости и возможности немедленной отмены, «уничтожения» его.

Но наука о государстве, предъявляя к Кропоткину справедливые претензии, не может оставить без внимания некоторые высказанные им соображения философского характера. К ним можно отнести такие его рассуждения: «...государство — нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения “гармонии” в обществе, как это говорят в университетах. Это — организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем... чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом

рабочих масс; чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпанных милостями правительственной иерархии. Такова истинная сущность государства»⁸. Проявляя известную непоследовательность, он в некоторых случаях, при изучении исторического процесса выявлял и позитивную значимость государственности. Он писал, например, о том, что отогнать «монголов, турок и мавров, утвердившихся в различных частях Европы, удалось только тогда, когда в Испании и Франции, Австрии и Польше, в Украине и в России мелкие и слабые князья, графы, герцоги и т.д., покоряемые более сильными из них, начали складываться в государства, способные двинуть против восточных завоевателей многочисленные полчища»⁹. Как исследователь Кропоткин руководствовался не только собственными методологическими установками, симпатиями или антипатиями, проявляемыми к тому или иному историческому лицу, событию, явлению, но и логикой фактов. Идеолог уступал место объективному исследователю.

Кропоткин принял Великую Русскую революцию, как прежде принимал Великую Французскую, хотя также не без оговорок. Эмигрировать он отказывался, хотя советы и предложения получал с разных сторон. Он призывал народы Запада поддержать Советскую Россию. Б.Ф. Лебедев, близко знавший Кропоткина, так резюмирует его взгляды на действительность, наступившую после Октября 1917 г.: «Как противник огосударствления и централизации и сторонник многообразного развития общественной инициативы, он, конечно, расходился с коммунистами, но всегда, видя главную цель революции в установлении социальной, а не только политической справедливости, он предвидел крах февральского переворота и предупреждал об этом его деятелей. Я часто слышал от него фразу: на каждом шагу чувствую свою родственную связь с большевиками»¹⁰.

Этика

В последние годы жизни, в Дмитрове, Кропоткиным создано фундаментальное сочинение — «Этика». Одна его часть была опубликована к годовщине со дня его смерти — в 1922 г. Вторая была послана для публикации во Францию, но предполагаемый ее издатель умер, и рукопись пропала. Есть у Кропоткина и другие работы, затрагивающие этические проблемы. Этика — значительная часть его научного наследия. Этику он определял как «науку о нравственном». В главах пятой — тринадцатой своей «Этики» он рассмотрел весь ход развития этической науки — от Античности до современности. Его история этики не распадается на отдельные, изолированные друг от друга познавательные эпизоды, а представляет собой картину реального приумножения знания, поиска истины, ее постепенного и все

большого обретения. Обзор этических учений, представленный Кропоткиным, и в настоящее время остается одним из наиболее полных, информативных и объективных. Он не соглашался с тем, что после создания стольких этических систем не остается ничего иного, как повторять уже сделанное, считая, что познавательный процесс, как и всюду, продолжается и здесь, что вопрос об этике «не исчерпан», что она еще далеко «не сложилась». «В сущности, можно даже сказать, что этого никогда не будет, так как новые стремления и новые силы, созданные новыми условиями жизни, всегда придется принимать в соображение по мере дальнейшего развития человечества»¹¹.

История этики для Кропоткина — в мировоззренческом аспекте — не однородна. Он обнаруживает в ней два основных направления. Одно из них обращено к религии, оно подкрепляет нравственность религиозными постулатами, утверждает, что нормы поведения внушены человеку свыше. Другое — нерелигиозное, а то и антирелигиозное — находит побудительные причины нравственности в самой жизни человека и общества; оно стремится придать нравственности реалистический характер. Научные симпатии и склонности Кропоткина были всецело на стороне второго направления. Себя как этика он также относил к нему. Изучая историю этики, Кропоткин отмечал и отбирал все то, что, в его понимании, не утратило ценности. Этические представления и свое понимание этики Кропоткин формулировал, опираясь на предыдущий опыт человечества, сконцентрированный в этических концепциях, и на опыт собственный, личный, приобретенный на протяжении прожитых лет. Какие же выводы из всего этого он делает?

— Не существует нравственности, которую можно было бы признать вечной и неизменной. Она имеет свою историю, в ходе которой ее нормы существенно трансформируются. То, что когда-то считалось нравственным, может в другое время оказаться «глубоко безнравственным». Чем вызваны эти перемены? Если не откровением, то может быть мыслительной деятельностью создателей новых этических доктрин? Нет: этические концепции лишь подвергали осмыслению и трактовке (а по временам и «извращению») имевшиеся уже налицо нравственные нормы. Выработка же их — дело «общечеловеческого творчества».

— На весь склад нравственных понятий и этических учений влияют существенные перемены в жизни общества. Кропоткин убежден, что когда-нибудь появится такая работа, в которой на обширном материале эволюция нравственности будет сопоставлена с изменениями, происходящими в социальном строе. В этой области познания этика, наука о нравственности, «сходится» с социологией, изучающей жизнь общества.

– Важнейшая нравственная и этическая проблема – развитие личности. Она не может быть решена в обществе, где даже самый способный человек при самых скромных своих материальных запросах обречен на бесконечную борьбу за выживание. Только новый, лучший строй общества, когда будет обеспечено благосостояние всех, создаст необходимые предпосылки для полного раскрытия личности.

Кропоткин – не такой человек, для которого нравственные и этические установки являются лишь достоянием науки. Общавшиеся с ним вспоминали, что его высокие нравственные качества, душевность постоянно давали о себе знать и в обыденной жизни, в повседневном быту. «Вот что его поднимало на большую высоту в сравнении с другими учеными»¹². В историю этики Кропоткин вошел не только как теоретик, но и как человек большой нравственной силы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал. – М., 1999. С. 211.

² Кропоткин П.А. Великая Французская революция. 1789 – 1793. – М., 1979. С. 17.

³ Там же. С. 21.

⁴ Кропоткин П.А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. С. 454.

⁵ Махно Н. Воспоминания. – М., 1992. С. 162.

⁶ Махно Н. («Батько») – П.А.Кропоткину. Гуляй-Поле. 30 мая 1919 г. // Гос. архив РФ /ГАРФ/. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 1710. Л. 1.

⁷ Кропоткин П.А. Записки революционера. – М., 1990. С. 382.

⁸ Кропоткин П.А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 533.

⁹ Кропоткин П. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. – СПб; М., 1922. С. 211.

¹⁰ Лебедев Б. Нет Кропоткина // Отдел рукописей Российской гос. б-ки. Ф. 410. Картон 5. Ед. хр. 59. Л. 20.

¹¹ Кропоткин П.А. Этика. – М., 1991. С. 28.

¹² Рыжов В.А. Воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине дмитровских кооператоров // Отдел рукописей Российской гос. б-ки. Ф. 410. Картон 7. Ед. хр. 21. Л. 3.

Аннотация

В статье проанализировано философское наследие П.А. Кропоткина, рассказано о работе, сделанной им в различных отраслях философского знания.

Ключевые слова: П.А. Кропоткин, философия истории, социальная философия, этика, история русской философии.

Summary

In this article some aspects of Kropotkin's philosophical heritage are analysed in detail, many others are only briefly discussed. The author demonstrates Kropotkin's significant contribution to different fields of philosophical sciences.

Keywords: P.A. Kropotkin, philosophy of history, social philosophy, ethics, history of Russian philosophy.